

УДК 82-1:81'373

DOI 10.5281/zenodo.12685846

Савицкий В.М.

Савицкий Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, 486090, г. Самара, ул. Максима Горького, 65/67. Email: lampasha90@mail.ru.

Оксюморон в аспекте лексической сочетаемости

Аннотация. В статье анализируются закономерности сочетаемости слов в оксюморонных оборотах речи; на этой основе выявляются механизмы создания оксюморона. Выясняется характер корреляции между оксюморonom и исходной антонимической парой, определяется и толкуется понятие противоположности, устанавливаются ее разновидности и ее связь с противоречием, вскрывается диалектическая природа оксюморона, описывается его отношение к реальности, определяются виды сочетаемости лексических компонентов в оксюморонных оборотах речи, показывается, какими способами оксюморон позволяет раскрыть парадоксальность устройства мира, приводятся схемы создания оксюморона. Предлагается различать «жесткий» и «мягкий» оксюморон в зависимости от того, какое понятие он десигнирует: понятие с пустым логическим объемом или понятие с пустым фактическим объемом. Показывается, что грань между видами оксюморона размыта. Исследование проведено на материале русского языка.

Ключевые слова: оксюморон, антонимическая пара, противоположность, противоречие, абсурд, парадокс, семантический признак.

Savitsky V.M.

Savitsky Vladimir Mikhailovich, Doctor of Philology, Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, Russia, 446090, Samara, 65/67 Maxim Gorki Street. Email: lampasha90@mail.ru.

Oxymoron in the Aspect of Lexical Combinability

Abstract. The author analyzes the rules of combining the lexical components of oxymoronic phrases, describes mechanisms of creating oxymoron, reveals the nature of correlation between oxymoron and the initial antonymic pair, interprets the notion of opposition, ascertains its types and its connection with the notion of contradiction, demonstrates the dialectical nature of oxymoron, describes its relation to reality, presents schemes of combining oxymoronic phrases' lexical components, shows how oxymoron may help to reveal the paradoxical nature of the world order, describes algorithms of creating oxymoron, proposes to distinguish between "hard" and "soft" oxymoron (depending on what concept it designates: the one with empty logical volume or empty actual volume), and shows that the boundary between these types of oxymoron is blurred. The research is based on the Russian language material.

Key words: oxymoron, antonym pair, opposition, contradiction, semantic feature, absurdity, paradox.

Оксюморон – не рядовой стилистический прием. Он вскрывает сложность и многоликость бытия,

стимулируя размышления о жизни в попытках постичь ее загадочную глубину, и служит объектом внимания мыслителей с

античных времен до наших дней. Его изучают с позиций логики и философии, риторики и поэтики, теории сочетаемости и семантической комбинаторики.

Предложен целый ряд определений оксюморона, в которых повторяются такие формулировки, как *комбинация логически несовместимых понятий; соединение противоречащих друг другу концептов; парадоксальная / внутренне противоречивая конъюнкция лексем; сочетание слов с противоположными значениями; сочетание несочетаемого; фигура речи, в которой объединены слова с взаимоисключающими значениями; синтез контрастных признаков.*

Языковой базой оксюморона называют антонимию [8, с. 826]. Но, во-первых, лексические компоненты оксюморонных сочетаний – далеко не всегда антонимы; во-вторых, характеристики *противоречащие, противоположные, контрастные, несочетаемые, несовместимые* нуждаются в уточнении и истолковании; в-третьих, термином *оксюморон* объединяют сочетания слов, неоднородные по своим структурно-семантическим свойствам. Всё это требует анализа в целях дальнейшего продвижения к сущности данного явления.

Члены антонимической пары по определению принадлежат к одной и той же части речи, а в оксюмороне лексические компоненты чаще всего относятся к разным частям речи (*убогая роскошь, светится тьма, широко закрытые глаза, назад в будущее*). Антонимия встречается только в аппозитивных сочетаниях (*любовь-ненависть, друзья-враги*) и в сочетаниях, в которых имеется форма родительного падежа (*сила слабости, предел беспредельности*).

В частности, пушкинское заглавие «Барышня-крестьянка» вряд ли можно квалифицировать как сочетание антонимов: ведь перед нами просто названия двух социальных сословий – названия, не отвечающие требованиям, которые предъявляются к антонимическим парам. Тем не менее, это сочетание можно, по

нашему мнению, считать оксюморонным. Дело в том, что слова *барышня* и *крестьянка* подчинены гиперонимам *высшее / низшее социальное сословие*. Антонимичными являются гиперонимы, значения которых представлены в значениях “барышня” и “крестьянка” в виде родовых семантических признаков.

Утверждение, что антонимия является языковой базой оксюморона, следует толковать не в том смысле, что оксюморонное сочетание состоит из антонимов, а в том смысле, что в оксюмороне наблюдается противоположность значений лексических компонентов, которая в системе языка представлена антонимией. Любое оксюморонное сочетание можно в конечном счете возвести к антонимической паре, пользуясь методом анализа словарных дефиниций. Так, в словосочетании *обыкновенное чудо* лексические компоненты – не антонимы, однако в значение “чудо” входит семантический признак “необыкновенный”, который в системе языка имеет свое прилагательное. Таким образом, названное оксюморонное сочетание возводится к антонимической паре *обыкновенный – необыкновенный*.

Значения слов, образующих оксюморон, противоположны. В этой связи следует уточнить, какие именно значения нужно считать противоположными.

Согласно толковому словарю [5], имя прилагательное *противоположный* означает (1) “расположенный напротив”; (2) “направленный в обратную сторону”; (3) “совершенно не сходный с кем-либо / чем-либо”.

Первое (буквальное) значение подразумевает наличие двух параллельных прямых; противоположными именуют либо сами эти параллельные прямые (*противоположная сторона улицы*), либо точки пересечения перпендикуляра с параллельными прямыми (*противоположное здание*). Если здание находится не на перпендикуляре, а наискосок, то противоположным его не называют.

В простейшем случае противоположность понимается как полярность, нахождение на концах отрезка прямой линии (*противоположные концы палки*).

Второе (тоже буквальное) значение прилагательного *противоположный* подразумевает движение в разные стороны по одной и той же прямой либо по параллельным прямым (*они разошлись в противоположных направлениях*).

Что же касается третьего (фигурального) значения, его вышеприведенное определение (“совершенно не сходный”) представляется нам некорректным.

Полное несходство предполагает отсутствие общих признаков. Но, как справедливо указал Н.С. Трубецкой, «две вещи, ... не обладающие ни одним общим признаком, ... не могут быть противопоставлены друг другу» [7, с. 75].

Так, значения “квас” и “изоморфизм” совершенно не сходны; они не имеют ни одного общего признака. Их различие столь велико и неопределённо, что не представляется возможным сколько-нибудь отчетливо охарактеризовать его. Отсутствует линия противопоставления. Как видим, большое несходство не служит основанием для констатации противоположности.

К числу противоположных относятся как раз такие единицы смысла (понятия, концепты, значения), которые характеризуются множеством общих (интегральных) признаков при минимуме дифференциальных; порой это лишь одна пара признаков. «Чем больше сходства ..., тем обнаженнее различие», – верно отметил в этой связи Ю.М. Лотман [3, с. 33].

Сравним, например, значения имен прилагательных *яркий* “излучающий сильный свет, сияющий” и *тусклый* “неяркий, слабый (о свете, источнике света)” [5]. Они различаются только одной парой признаков (“сильный” / “слабый”), а все остальные признаки у них общие. Именно такие значения противоположны.

Упомянутое фигуральное значение слова *противоположный* производно от буквальных. Оно тоже подразумевает наличие прямой линии – в переносном

смысле. Это шкала степеней проявления того или иного бытийного признака.

В ряде случаев это бывает шкала «плюс – ноль», на которой отсутствуют отрицательные величины, как отсутствуют они в натуральном ряду чисел. Такая оппозиция называется привативной [7, с. 79-83], а такое отношение между понятиями – контрадикторным [2, с. 68]. Например: *живой – мертвый (неживой); зрячий – слепой (незрячий); пьяный – трезвый (непьяный)*.

Но нередко в практических целях в шкалу вводятся отрицательные величины. Нулевая отметка перемещается с полюса шкалы на ее середину; здесь она обозначает не отсутствие признака, а его среднюю величину, эталон, когнитивную норму. На такой шкале низкие степени проявления признака представлены как высокие степени проявления «антипризнака», и отсчет идет в обе стороны от нуля. Например, постепенное снижение интеллекта, миновав нулевую отметку (человек среднего ума), начинает репрезентироваться как рост глупости; уменьшение силы – как увеличение слабости; ослабление здоровья – как усиление патологии; снижение упорядоченности – как рост хаоса и т.д.

Противоположными считаются отклонения в обе стороны от нуля. Такая оппозиция называется эквиполентной, а соотношение понятий – контрарным. Например: *красивый – эстетически нейтральный – безобразный; прогресс – застой – регресс; любить – относиться индифферентно – ненавидеть*.

Кстати, это позволяет увидеть: примерами литоты иногда ошибочно считают случаи, которые на самом деле являются примерами гиперболы. Ср.: *мужичок с ноготок, мальчик с пальчик, от горшка два вершка*. В таких случаях имеет место не преуменьшение размера, а преувеличение миниатюрности. У литоты и гиперболы – разное стилистическое назначение.

Итак, мы выяснили, что такое противоположность. Возвращаясь к теме оксюморона, отметим: в ряде научных тру-

дов верно указано, что в антитезе слова синтаксически противопоставлены («Ученье – свет, а неученье – тьма»), тогда как в оксюмороне слова, которые имеют противоположные значения, соединены так, как если бы они **не** были противоположными (как в заглавии стихотворения Л.К. Котюкова «Светлая тьма»). Логическая дизъюнкция подана в виде синтаксической конъюнкции. Для чего это делается? Мы полагаем, что объяснение этому факту следует искать в сфере диалектики.

Парадоксы глубоко укоренены в мире. Двухзначная формальная логика, признающая лишь *да* или *нет*, не может претендовать на всеобъемлющее описание действительности. Для разрешения антиномий требуется применение диалектической логики, в основе которой, как известно, лежит единство противоположностей, смыкание полюсов.

Приведем пример: Раскольников убил двух человек и при этом искренне жалел и как мог поддерживал несчастных детей и их тяжелобольную мать. В

данном случае перед нами предстают разные грани объекта оценки, внутренняя противоречивость личности персонажа. Противоположности в ней соединились; это выражено синтаксической конъюнкцией дизъюнктивных признаков в оксюморонном сочетании *добрый злодей*.

В других случаях мы имеем дело с разными субъектами оценки одного и того же объекта. Так, например, в сочетании *честный вор* (тот, кто соблюдает все правила, установленные в криминальном мире) наблюдается оценочная амбивалентность: с позиций государственного закона это преступник, а с позиций воровского закона – честный человек.

Во всех таких случаях объекты оксюморонной номинации – не химеры, созданные в жанре абсурда, а жизненные реалии нашего неоднозначного мира. Если абсурд – это формально-логическое противоречие, чуждое реальности, то парадокс – противоречие диалектическое, присущее реальности. Оксюморон не аб-

сурден, а парадоксален – он, как правило, отражает действительность, хотя и в гротескной форме.

Рассмотрим вопрос о специфике сочетаемости компонентов оксюморона. С этой целью обратимся к такому разделу логики, как теория понятий, а также к лингвистической теории структуры и комбинаторики лексического значения.

Как известно, объемы понятий состоят в отношении последовательного подчинения / включения [2, с. 67]. Отсюда деление понятий на родовые, видовые и подвидовые. Видовое понятие образуется на пересечении объемов нескольких родовых понятий и, в свою очередь, включает в себя подвидовые понятия. Лексическое значение, в состав которого входит понятие, содержит нижеследующие виды признаков (в научных трудах именуемые по-разному): видовые (категориальные, интенциональные); родовые (суперкатегориальные, жестко-импликациональные); подвидовые (субкатегориальные, сильно- / слабо-импликациональные).

Признаки, не входящие в значение слова, являются по отношению к нему негемпликациональными (отрицательно-импликациональными).

В качестве примера рассмотрим лексическое значение слова *мальчик*. К числу его **видовых** признаков относятся признаки “невзрослый”, “человек”, “мужского пола”. Они выявляются методом компонентного анализа: “мальчик” :: “мужчина”; “мальчик” :: “детеныш”; “мальчик” :: “девочка”. Его **родовые** признаки – “прямоходящий”, “теплокровный”, “позвоночный” и др., которые относятся к более высоким уровням абстракции. В число **подвидовых** входят признаки “озорной”, “послушный”, “глупый”, “умный” и др., которые образуют подмножества, конституирующие множество мальчиков.

На этой основе опишем ряд закономерностей сочетаемости слов на примере двучленных подчинительных словосочетаний. Стандартное правило семантиче-

ской комбинаторики для них можно сформулировать так: если и только если значение определяющего слова понятийно совпадает с подвидовым признаком значения определяемого слова, то такие слова могут сочетаться. Это правило можно записать как формулу с помощью символов логики предикатов:

$$\forall (p, q) [((S) p \equiv (S') q) \leftrightarrow pRq],$$

где \forall – квантор всеобщности, p – определяющее слово, q – определяемое слово, S – значение определяющего слова, S' – подвидовой признак значения определяемого слова, \equiv – тождество, \leftrightarrow – эквиваленция (связка «если и только если ..., то ...»), R – отношение (в нашем случае сочетаемость определяемого и определяющего слов). По данному правилу образуются, например, сочетания *озорной / послушный / умный / глупый мальчик* и т.п.

На этой основе М. В. Никитин описал норму лексической сочетаемости [4]. Нас же в связи с темой оксюморона интересуют отступления от этой нормы. По упомянутому правилу не образуются словосочетания, в которых значение определяющего слова понятийно совпадает:

- 1) С значением определяемого слова целиком (**мальчишеский мальчик*);
- 2) С видовым признаком значения определяемого слова (**человеческий / *мужской / *невзрослый мальчик*);
- 3) С родовым признаком значения определяемого слова (**прямоходящий / *теплокровный / *позвоночный мальчик* и т.п.);
- 4) С отрицательно-импликационным признаком значения определяемого слова (**морфемный / *дождливый / *асимптотический мальчик* и т.п.).

Словосочетания первых трех разрядов семантически избыточны: значение определяющего слова прибавляет к значению определяемого слова признак, который у него уже есть. В таких словосочетаниях нет коммуникативной потреб-

ности, и потому они обычно не создаются в речи.

Словосочетания четвертого разряда имеют значения с пустым объемом: им не соответствуют никакие денотаты, и они тоже обычно не создаются в речи.

Как отмечалось, без сходства не бывает противопоставления. Оппозиция устанавливается лишь на фоне сходства объектов. Если значения слов не обладают даже минимальным сходством, которого достаточно для образования оппозиции, то при их комбинировании понятие не формируется (например, **дождливый мальчик* – не понятие). Такие словосочетания наиболее строго запрещены упомянутым стандартным правилом семантической комбинаторики.

Если значение определяющего слова имеет сходство, достаточное, чтобы образовать оппозицию с **ВИДОВЫМ** признаком значения определяемого слова, то при их комбинировании возникает абсурдное (логически противоречивое) понятие. Например, в словосочетании **женский мальчик* значение “женский” составляет оппозицию с видовым признаком “мужской” на фоне гиперсемы “пол”. Нельзя сказать, что мальчики женского пола бывают или что их не бывает. Значение этого словосочетания имеет пустой логический объем. Это означает, что оно содержит внутренне противоречивое понятие.

Если значение определяющего слова составляет оппозицию с **РОДОВЫМ** признаком значения определяемого слова, при их комбинировании возникает менее противоречивое понятие, промежуточное между понятием с пустым логическим объемом и с пустым фактическим объемом. При этом данное видовое понятие включается в не свое родовое понятие. Например, в сочетании *деревянный мальчик* значение “деревянный” составляет оппозицию с родовым признаком “из плоти и крови” на фоне гиперсемы “материал”. Мальчик отнесен к роду деревянных объектов. Таких мальчиков не бывает в реальном мире, но они могут

существовать в виртуальных мирах (Пинноккио, Буратино).

В тех случаях, когда значение определяющего слова образует оппозицию с **подвидовыми** признаками значения определяемого слова, возникает понятие не противоречивое, а лишь имеющее пустой фактический объем: к нему добавляется ненормативный подвидовой признак – например, *синеволосы́й мальчик*. Таких мальчиков не бывает, но в них нет ничего невозможного – ведь красители для волос имеются в широком ассортименте, в том числе и синие.

При этом размыта грань между не-присущими (негиппликационными) и нетипичными (слабо-импликационными) признаками: некоторые из таких сочетаний обозначают маргинальную, но реальную субкатегорию. Их значения обладают не совсем пустым объемом – например, *хвостаты́й мальчик*: в норме их не бывает, но в качестве редкого отклонения от нормы они встречаются [1].

В такого рода случаях значение определяющего слова не вступает в противоречие с видовыми признаками значения определяемого слова. К тому же соответствие значений таких сочетаний стандартному правилу определяется внеязыковым фактором, то есть тем, бывают или не бывают такие объекты в действительности (*кукушкино гнездо* в романе К. Кизи). Но в самом языке нет ничего, что запрещало бы такие сочетания. Поэтому они (иногда с натяжкой) допускаются стандартным правилом (подробнее см. нашу работу [6, с. 80-96]).

Чтобы сочетаться, значения слов должны быть отчасти сходны, а отчасти различны. Допустимость сочетаний в рамках стандартного правила ограничена, с одной стороны, полным понятийным сходством (т.е. тождеством) значений, которое ведет к тавтологии (**масло масляное*), а с другой стороны, их полным понятийным несходством, ведущим к бессмыслице (**масло асимптотическое*).

По Дж. Свифту, “promises and pie-crusts are made to be broken” [10, p. 86]

(обещания и корки пирога делаются, чтобы их ломать). На наш взгляд, в этот ряд можно вписать и нормы лексической сочетаемости. В идиоматике и в современной поэзии нарушаются все вышеперечисленные нормы; при этом осуществляется переход на второй ономаσιологический уровень (уровень фигуральных значений), где возникает новый смысл на основе нестандартной сочетаемости. Приведем примеры применения этого стилистического приема, именуемого кататрезой.

Идиоматика: *сапоги всмятку, лепить горбатого, гнилой базар, взрывать косяк, звать пургу, забивать баки*.

Поэзия: *красное дыханье, гибкий смех* (О.Э. Мандельштам), *грохочущая слякоть* (Б.Л. Пастернак), *безгрешный лист* (Б.А. Ахмадулина), *косноязычные глаза* (Н.А. Заболоцкий), *руки подробные* (Е.А. Евтушенко).

Рассмотрим отношения между противоположными признаками, лежащие в основе оксюморона. Они могут дополнять, а могут исключать друг друга.

Взаимодополняющие признаки объекта состоят в обратной пропорции: чем меньше проявляется один из них, тем больше – другой, но они совместимы в одном объекте. Например, в ходе эволюции некоторые виды рептилий стали постепенно превращаться в птиц. Чем меньше в них оставалось от рептилий, тем больше в них становилось от птиц. Палеонтологи обнаружили длинную цепь переходных форм с разными соотношениями рептильной и птичьей долей. То же можно сказать о происхождении человека от обезьяны и др. Вопрос о том, можно ли считать оксюморонными такие наименования, как *птицеящеры, звероящеры, обезьянолюди* и т.п., остается открытым.

Взаимоисключающие признаки несовместимы в одном объекте: квадрат имеет углы, а круг – нет. Квадрат не может быть круглым. Это прочная основа для создания оксюморона. Словосочетание *круглый квадрат*, несомненно, явля-

ется оксюморонным, хотя слова *круг* и *квадрат* – не антонимы, а просто названия разных геометрических фигур. К антонимической паре они возводятся на следующем шаге анализа словарных дефиниций: значение “круг” содержит признак “безуглый”, а значение “квадрат” – признак “угловатый”.

С учетом сказанного обратимся к вопросу о схемах создания оксюморона.

1) В простейшем случае, чтобы создать оксюморонное сочетание, нужно взять два антонимичных существительных, затем от одного из них образовать прилагательное и объединить их: (*правда* / *ложь*) → *правдивая ложь*. Значение определяющего слова образует оппозицию со значением определяемого слова.

Ср. *убогая роскошь, взрослое детство, грустная радость, холодный жар* и т.п. Здесь противопоставляются лексические значения целиком.

2) Если же определяемое слово не имеет антонима, то нужно подобрать такое определяющее слово, чье значение образует оппозицию с видовым или родовым признаком значения определяемого слова. Например, значение слова *снег* содержит родовой признак “холодный”. Если использовать антоним слова *холодный*, то мы получим оксюморонное словосочетание *горячий снег*. Ср. также *жидкие гвозди, пожилкой пионер, холодное пламя, сухой суп* и т.п. Это несколько иной вариант оксюморона, создаваемый по чуть более сложной схеме, нежели предыдущий: в нем противоположны значение одного слова и семантический признак, выделенный из значения другого слова.

3) Существует и вариант, в котором оба компонента противопоставлены друг другу по родовым признакам своих значений. Например, по данным толкового словаря, слово *эпицентр* означает “очаг катаклизма (землетрясения, извержения вулкана, взрыва и т.п.)”, а слово *праздник* – “торжество по поводу чего-либо”. Они не являются антонимами, но катаклизм подразумевает горе и ужас, а торжество подразумевает радость и веселье (это их

родовые признаки). На антитезе “горе – радость” основано оксюморонное сочетание *эпицентр праздника*. Ср. также: *виновник торжества, соучастники благотворительной акции, шайка ангелов*. Это самый замысловатый вариант оксюморона, наиболее опосредованно связанный со своей языковой основой – антонимией.

4) В упоминавшихся выше случаях, когда словосочетание обозначает несуществующий подвид какого-либо вида объектов, перед нами не совсем оксюморон. Так, например, *морская конница* не существует, однако конница, транспортируемая морем, подобно морской пехоте, возможна; в этом сочетании слов нет логического противоречия. Ср. также: *синяя роза* (английская идиома *blue rose* означает “нечто небывалое”), *оранжевое небо, красный конь*.

Если найти антитезу к подвидовому признаку значения определяемого слова, то оксюморон не получится. Примером может служить *свежая / тухлая осетрина*, ставшая поводом для спора Воланда с буфетчиком. Антонимия здесь есть, а оксюморона нет. Дело в том, что “свежая” и “тухлая” – альтернативные подвидовые признаки в составе значения “осетрина”. Если же семантический признак безальтернативен (т.е. присущ всем объектам данного вида), то он является не подвидовым, а видовым или родовым – к примеру, признак “травоядная” в значении слова *овца* (все овцы травоядны). *Хищная овца* – это оксюморон, вписывающийся в схему 2 (см. выше).

Как видим, бывают разные степени отступления от стандартного правила семантической комбинаторики. Комбинируемые значения противоречат друг другу в неодинаковой мере, и в итоге граница между понятиями с пустым логическим объемом и понятиями с пустым фактическим объемом размыта.

Так, *птичье молоко* (в буквальном смысле) не только не бывает, но и не может существовать в принципе: ведь птицы – это не млекопитающие.

Корабль пустыни (тоже в буквальном смысле) менее невозможен: хотя он не может передвигаться по пустыне, он может в ней находиться (на высохшем морском дне, ставшем пустыней).

Свиней в ермолках (в буквальном смысле) не бывает, но в принципе они возможны: достаточно надеть ермолку свинье на голову.

На наш взгляд, необходимо различать «жесткий» и «мягкий» оксюморон, руководствуясь критериями Дж. Грубера:

“You can’t say ...” («Так сказать нельзя») и “No one ever saw ...” («Такого не бывает») [9, pp. 254-267]. Первый из этих критериев (логическая противоречивость) позволяет выявить «жесткий» оксюморон, а второй критерий (небывалость) указывает на «мягкий» оксюморон.

Так, согласно нашим наблюдениям, выглядят некоторые закономерности сочетаемости лексических компонентов оксюморонных словосочетаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атавизм // Биологический энциклопедический словарь / глав. ред. М.С. Гиляров. М.: Советская энциклопедия, 1986.
2. Иванов Е.А. Логика. М.: БЕК, 1998. 309 с.
3. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 17-264.
4. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с.
5. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. М.: Русский язык, 2000. 1084 с.
6. Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 208 с.
7. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.
8. Яшина Е.А. Оксюморон как средство создания алогизма в художественном тексте // Известия Самарского НЦ РАН. Том 12. № 5. 2010. С. 826-831.
9. Gruber J.S. Lexical, Conceptual and Encyclopedic Meaning // Quaderni di semantica. Società editrice il Mulino. 1985. Vol. VI. No. 2. Pp. 254-267.
10. Swift J. Polite Conversation. London: Chiswick Press, reprint 2019. 198 pp.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Atavizm // Biologicheskij jenciklopedicheskij slovar' / glav. red. M.S. Giljarov. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1986.
2. Ivanov E.A. Logika. M.: BEK, 1998. 309 s.
3. Lotman Ju.M. Lekcii po struktural'noj pojetike // Ju.M. Lotman i tartusko-moskovskaja semioticheskaja shkola. M.: Gnozis, 1994. S. 17-264.
4. Nikitin M.V. Kurs lingvisticheskaj semantiki. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2007. 819 s.
5. Novyj slovar' russkogo jazyka: tolkovo-slovoobrazovatel'nyj / T.F. Efremova. M.: Russkij jazyk, 2000. 1084 s.
6. Savickij V.M. Osnovy obshhej teorii idiomatiki. M.: Gnozis, 2006. 208 s.
7. Trubeckoj N.S. Osnovy fonologii. M.: Aspekt Press, 2000. 352 s.
8. Jashina E.A. Oksjumoron kak sredstvo sozdanija alogizma v hudozhestvennom tekste // Izvestija Samarskogo NC RAN. Tom 12. № 5. 2010. S. 826-831.
9. Gruber J.S. Lexical, Conceptual and Encyclopedic Meaning // Quaderni di semantica. Società editrice il Mulino. 1985. Vol. VI. No. 2. Pp. 254-267.
10. Swift J. Polite Conversation. London: Chiswick Press, reprint 2019. 198 pp.